

В последние годы в литературе, наряду с возросшей ролью документальной прозы (всевозможных видов и подвидов «нон-фикшн»), проявила себя еще одна яркая тенденция. Благодаря развитию социальных сетей, ускоривших обмен информацией, предельно истончилась грань между актуальным высказыванием и стихотворением, между «просто постом» и произведением «малой прозы». Присутствие писателя в Живом Журнале или Фейсбуке зачастую обрачивается чередой «лабораторных» опытов: стихи, эссе, дневниковые записи, подслушанные сценки, подсмотренные «картинки» — все это создает в итоге «шум времени», материал тем более ценный, чем выше талант и мастерство автора (наблюдателя).

Один из таких «внутренних» писательских журналов мы предлагаем вниманию читателей НЮ.

С ан д ж а р Я н ы ш е в

П Е Р Е У Ч Е Н Н Ы Й Л Е В Ш А

Избранные заметки, наброски, посты

* * *

«Не ждал от года ничего. Но получил даже меньше, чем не ждал».

* * *

Киви — хладнокровный фрукт.

* * *

Сказано: завтра съезжать.
И стали мыться три раза.
Готовить двенадцать раз.
Перекладывать посуду и открывать холодильник — бесконечно.
Потому что завтра съезжать.
И мне, и тебе, и всем.
Нету другого: вчера въехали, завтра съезжать.
Потому что СВОЕ не инстинкт, а рефлекс —
говорит нам воскресший Rex.

* * *

Реплика для какого-нибудь чеховского персонажа: «Степень моей известности вам хорошо известна!»

* * *

В парикмахерскую пришел клиент с пачкой фотороботов — выбирать себе прическу.

* * *

«Пытаясь соотнести внешность женщины и ее настоящий возраст, мужчина получает совершенно необходимый ему опыт».

* * *

«Гарнир на то и гарнир, чтоб не радоваться ему, а ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ».

* * *

«я любил немногих, однако женщин»

* * *

Дареный букет мужчина несет на локтевом сгибе, подарочный — как меч или биту.

* * *

«Она моложе меня в два раза, стало быть, время для нее течет примерно в 1,3 раза медленней».

* * *

Джинсы на молодой персиянке: в прорехи на коленях вшиты куски материи телесного цвета.

* * *

«...когда мой подмороженный сперматозоид соединился с твоей апатичной яйцеклеткой...»

* * *

Вот почему у меня только одна пара ушей?

* * *

Девушка в метро. Поверх сбритых бровей — новые, нанесенные беличьей кистью.

* * *

«Кто сказал, что женщина не способна принимать спонтанных решений?.. Просто для этого ей нужно чуточку больше материи, именуемой временем, нежели мужчине. А именно — в сто пятьдесят раз. У него — секунда, у нее — две с половиной минуты».

* * *

«Сперва она делает тебя ревнивцем, потом с удовольствием констатирует: однажды он меня чуть не убил!»

* * *

Больничные арабески. Приходишь почти налегке: зубная щетка, кружка... Потом обрастаешь зарядками (для телефона, для планшета, для плеера...), баночками, сменами белья, термосом. И начинаешь тут ЖИТЬ.

* * *

Десять лет назад они сказали, что у меня «печень, как у младенца». Вчера — что таковы же мои желудок и поджелудочная. Младенец отвоевывает во мне все большие территории.

* * *

Порой не дать ребенку пряник — вполне достаточный кнут.

* * *

НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

У молодого отца лопаются зеркала и проклевываются жабры.
Он видит кожей, он дышит диафрагмами обнаженных зрачков.
Он зорок, как табун лошадей, он равен Богу.
Впервые в жизни (в своей долгой, почти свершённой жизни)
он ревнует о чем-то большем, нежели он сам.
И в этом смысле он тоже — равен Богу.

* * *

ВОЛХВЫ

* * *

Тадам-тадам, тадам-тадам.

А вокруг народ четвертой заварки.

Он скорее даст себя поработить — нежели поработит, хотя никто его перед таким выбором не ставит.

Поставьте меня перед таким выбором — и я уеду в Москву, вслед за миллионами моих братьев.

Не ставьте меня перед таким выбором — и я сделаю приятное этой женщине, заговорив неожиданно по-русски.

Народ чистых пяток (я проверял!), народ, научивший меня удивляться.

Эй, народ, покуда я рос, теряя кожу по заусенцу, пока зачинал в чужих землях зеленоглазых детей, пока отучивал их разбрасывать понапрасну семя, пока возвращался, пока я сажал свое дерево на могиле обнявшихся предков, пока поливал его и тянулся корнями к костям, ты успел шевельнуть левой бровью на вымя мелькнувшей коровы, да правой — на куст гармалы, поедаемый этой коровой.

Ташкент-Термез, нескорый

* * *

ХЫЗЫР-БОБО

Никогда не бил ребенка, не оскорблял животное перед тем как его заколоть, не женился на разведенной — был ты праведен, как хур, от сего дня и до самого своего рожденья (и даже родился обрезанным, о чем знает каждый, кто слышал хоть раз твое имя)...

Но если явился к тебе однажды белый старик и сел на пороге, а ты его не заметил, и ушел он, исчез, не испробовав твоего хлеба, не смочив бороды твоим чаем, — горе тебе, о случайный мой собеседник, ибо человек тот был Хызыр-бобо.

Отныне в будущем, что за твоей спиной, — ни листьев, ни плодов; и дети твои не возьмут твою кровь, а станут, точно неверные, держать ответ за один только свой путь.

Потому что — и сейчас я скажу нечто новое — должен ты быть подобен женщине, встающей до света и приоткрывающей тяжелые ворота на ширину карагачевого посоха, и сорок раз покрываю-

щей бумагу сурой «ясин», макая иглу в кашкадарьинский зафарон.

Готов ты быть столь же зрячим, столь же чутким и столь же невесомым, как та женщина?

Вот я пришел к тебе и уже ухожу — узнал ли ты меня по жесту, по запаху или хотя бы по слову моему, смертному, как подорожник возле твоего курятника?..

* * *

Он идет по району, словно гяур — обладатель великой тайны, никому тут не интересной (кроме самых мелких, еще не научившихся молитве).

Идет в темноте, дабы спрятать тайну глубже.

На голове — полукружие наушников (подарок уехавшего сына).

В них — аяты, зычный промасленный голос.

В кармане брюк под халатом — устройство с круглым невесомым зеркалом.

Это первый подобный опыт: не было винила, не было рифленого целлулоида, не было крутящейся в зикре электрической машины. То оружия массового поражения, это же — штука компактная и сокровенная, для ОДНОГО.

Есть, где-то есть устройства, вживляемые прямо в сердце, словно индивидуальный бог, личное слово, единственная душа.

Он отстал лет на двадцать, не больше.

Ничего, еще догонит.

В следующей жизни он будет Цукерберг.

* * *

Соседей не выбирают. Этот чудесный малыш оказался моим ближайшим соседом во время бесконечного путешествия из Ташкента в Москву. Мы долго кружили над портом назначения, потом капитан пожаловался на туман в Шереметьево, потом извинился за то, что вынужден посадить самолет в Домодедово. Транзитники — их на борту было большинство — сильно огорчились, что, однако, не помешало им аплодировать в момент соприкосновения с землей (они всегда хлопают — и всегда пре-

ждевременно!), я по здравом рассуждении, скорее, обрадовался: Домодедово ближе к дому. Моя радость оказалась также преждевременной, поскольку спустя четверть часа после приземления капитан сообщил: туман рассеялся, и после быстрой дозаправки мы полетим в Шереметьево. Никогда еще не летал я самолетом из одного конца Москвы в другой... Так вот, на протяжении шести или семи часов, в ходе двух взлетов и двух посадок, этот мужественный младенец не переживал обстоятельства — он в них жил: спал, ел, писал, плакал (самую малость), ликовал, изучал мое лицо, снова спал, и так далее. Мой лучший попутчик — за все годы и все странствия, прошлые и будущие. Малыша звали Настя.

* * *

К вопросу о незаменимости ругательств нехороших. Отправились мы однажды, лет двадцать назад, с Абдуллайчиком в горы налегке (то есть без женщин). На станции метро «Горький» взяли машину, которая, не доехав до Бричмуллы километров двадцать, заглохла.

Водитель открыл капот и чего-то там поделал, потом снял тубейку и снова чего-то поделал, потом утерся платком и прилепил его к затылку. Мы с Абдуллайчиком вылезли в неподвижный воздух, сели на обочине, ждем. Горы — вот они, на том конце вытянутой руки, с белыми потеками прохлады, звенящие ручьями, гремящие орехами, пьянящие мятами и пижмами...

Спустя двадцать минут напряженного дзена, водитель выпрямился, отер пот и страстно так, с оттягом: «Ана-инссськи!!!»¹ «Диагноз поставлен», — сказал Абдуллайчик, и мертвая точка завибрировала новыми, еще неведомыми нам возможностями.

* * *

Идем с Абдуллайчиком по Торжку. Он здесь впервые, маршрут ему тѐмен.

«А нам разве не туда?» — «Нет, Абдуллайчик, нам сюда».

«Точно сюда?» — «Точно сюда!»

Мы ищем разрушенную церковь, ту, в которой через пробоины в куполе шел снег. Шесть лет назад. Теперь лето, снега нет, но церковь должна была сохраниться.

Внезапно Абдуллайчик хочет есть. И это засада. Потому что ресторанов в Торжке мало, а перекус на ходу ему не подходит. Если Абдуллайчик чего-нибудь хочет, он терпеть не станет. Особенно если этого хочет его организм. У Абдуллайчика с организмом вековая связь. Тайнственная и священная. Крепкая, как смерть.

«Может, такси возьмем?» — спрашивает Абдуллайчик.

Но печать на сердце моем, и перстень на руке моей; я показываю направление, прошу потерпеть хотя бы полчаса. Полчаса — срок не маленький, возражает Абдуллайчиков организм. Тогда — четверть часа. Но организм уже весь тут, в исполненном страдания взгляде, вот-вот набросится и кого-нибудь съест,

¹Узбекский аналог ругательства на букву «ё».

например, меня. С великой тоской провожает Абдуллайчик каждую мимоедущую легковушку. «Пять минут, Абдуллайчик, двести метров!..»

Тут терпение организма лопается, и он начинает буквально вытекать через Абдуллайчиков нос. По усам, по бороде, красными кляксами — на белую майку. Рядом — колонка с водой, мочим платок, зажимаем нос, останавливаем такси, едем в ресторан. Организм больше не течет.

«Не нытьем — так капаньем», — вспоминаю каламбур, впервые пригодившийся и вошедший в ситуацию идеально, словно втулка в единственный свой паз.

Абдуллайчик улыбается, как Сережа в финале одноименного фильма. (Помните? — «Мы едем в Холмогоры, какое счастье!»)

* * *

Эфирное масло не следует лить в чистом виде; лучше капнуть им на кусочек сахара, а уж сахар растворить в ванне. Не так же ли иная мысль (идея) — чересчур очевидная или концентрированная, — прежде чем войти в этот мир, нуждается в «кусочке сахара»?

* * *

О колеблющихся неконформистах: нельзя играть на виолончели и носить короткую юбку.

* * *

Мы говорим: «как утопающий за соломинку».
Польский утопленник хватается за бритву.
Англичанин — за кусок тающего льда.

* * *

Обилие пестрых ленточек, особенно в качестве добровольно-принудительного атрибута на кассирах магазинов, ж/д касс, проводниках, работниках сферы обслуживания и школьниках

(целыми классами и даже школами, как некогда пионерский галстук носили), вызвал в памяти эпизод с моим вступлением в комсомол.

Времена были уже вегетарианские: перестройка, Узбекистан, всегда славившийся чуть большим либерализмом, чтоб не сказать — пофигизмом, нежели эпицентр имперства, родина красных бантов и прочих символов не напрасно пролитой рабоче-крестьянской крови.

В моем классе было всего пять-шесть комсомольцев, особого желания тянуться за авангардом молодежи окрест не наблюдалось... И тут подходит ко мне прекрасный мой товарищ Женя Калинин (увы, ныне покойный), любитель Шалапина, горных походов и почему-то истовый (или неистовый, как правильно?) комсомольский активист, что, впрочем, ничему, включая мою к нему симпатию, не противоречило. «Вступай в комсомол!» — говорит мне Женя с эдаким задором, энтузиазмом, который иначе как коммунистическим теперь и не назовешь. «Зачем?» — спрашиваю. «Поедешь со мной в лагерь комсомольского актива «Гренада»! Неделя кайфа на природе, будет круто!!»

Юность не отличается особой разборчивостью. Так, помнится, тремя годами позже махнули мы с другим Женькой, Абдуллаевым, в Ялту, уловленные в конфессиональные сети истовыми (или все-таки неистовыми?) пастырями из секты преподобного Муна — под озвученным родителям предложением подтянуть наш английский, поскольку семинары проводились не говорящими по-нашему американскими миссионерами... Январь, Крым, разгуливающие по санаторию вечнолетние павлины — что может быть заманчивей. Это сегодня ничего не стоит вступить в какую-нибудь партию или союз писателей — в годы моей революционной юности для вступления в ряды комсомола необходимо было пройти испытание, вроде идеологической инициации, выказать твердость убеждений, верность заветам отцов и пр. «Тебе зададут два-три основополагающих вопроса — ответишь правильно, и ты комсомолец». — «Например, какие?» — «Ну, например, что такое сионизм?» — «А что такое сионизм, Жека?» — «Разновидность фашизма в Израиле». — «И всё?» — «Про сионизм — всё. Еще, например: какова роль коммунистической партии в строительстве социализма...» — «В-ведущая?..» — «Молоток!! В общем, приходи

завтра к трем в кабинет начальной военной подготовки, будет бюро, выдержишь испытание — и ты наш».

Прихожу в назначенный час к двери кабинета НВП, встречает меня... Женя Калинин: «Входи, входи! Карина заболела, но бюро никто не отменял, экзамен сдавать будешь мне — как секретарю. Садись. Манифест читал?» — «А надо было?» — «Конечно. Обязательно прочти потом, хоп? Сейчас я задам тебе первый основополагающий вопрос. Какова роль коммунистической партии Советского Союза в строительстве социализма?» — «Ведущая, какая ж еще». — «А ты зря улыбаешься, мы тут не в игрушки играем. Сейчас я задам тебе второй вопрос, ответишь правильно — третий не понадобится. Сосредоточься. Что такое сионизм?» — «Э-э-э... Разновидность фашизма в Израиле?» — «Правильно. Поздравляю, ты комсомолец. Принеси завтра фотографию, я выдам тебе билет». — «А значок?» — «Значок купишь в любом киоске Союзпечати... Пластинку, кстати, верни, Шаляпина. Я Зиёде обещал».

* * *

ЦЗАЦЗУАНЬ О КЛАДБИЩАХ

...А я люблю.

Подобно тому, как иные предпочитают людям животных, я люблю рассматривать эти лица: они не укусят.

Не всякая витальность способна хотя бы затронуть — любая летальность цепляет и царапает.

Я люблю эти курьезные имена: многие из них, сами того не подозревая, живут в моих текстах.

Я люблю их молодость: вот этот скончался накануне войны — грязь, в которой вымазались живущие, его не коснулась.

Я люблю бурный рост новой жизни из щедро удобренной почвы, вакханалию зеленого и незаконного; всякая культура тут — сорняк, всякая личность — анонимна.

Я люблю эту последнюю вульгарность.

Эту торжественную красоту и собственное отражение в поддельном мраморе.

Я знаю точно, что среди них мне не место — и это мне тоже нравится.

* * *

МОЕ ДЕРЕВО

Его зовут Джида.

Дерево-жар, дерево-утешение.

Под Ташкентом, в горах, джиды очень много, целые джидовые леса. В Москве его не может быть ни при каких условиях: джида любит стойкое тепло.

Тем не менее, я нашел его здесь! — прямо рядом с домом, в котором живу.

Три дерева, почти роща, они держались друг за друга, как и положено землякам: чужбина заставляет много думать о своих корнях. Однажды самый младший из троих, еще в сущности джиденок, возомнил себя Маслиной.

«Москвичи зовут нас маслинами, Маслина звучит гордо, не то что — Джида!»

«Ты не Маслина и не Джида, ты — Лох узколиственный», — с грустью ответили товарищи.

Теперь их двое.

Подобно тому, как все прочие ташкентцы в Москве празднуют Новый год дважды, мои деревья цветут два-три-четыре раза; их медовый аромат на пути домой я слышу за сто метров, едва вынырываю из жерла подземного перехода.

Мне знаком этот зов солнца, сверхпроводимость тепла, это держание жить во что бы то ни стало.

Я разыскиваю их родственников по всей Москве; я уже принес им ве(с)точку от крепкой пары из Коломенского парка да от братьев-близняшек, заброшенных ветром судьбы на Тушинскую, к Макдональдсу.

В благодарность они дают мне ягоды, вяжущие по рукам и ногам, обезоруживающие своей нежной терпкостью...

Так победим!

* * *

И как это у них все быстро: вчера писала дамские романы, сегодня она уже в Питере, замужем, и ребенку три года?!

* * *

Ушел в осень.

Уехал в зиму.

Уплыл в весну.

Улетел в лето.

* * *

Перемешал вечер равное количество черного винограда и черного изюма (сорта «кишмиш», хотя мне продали его под именем Изабелла) — и залил волшебной водкой. За сутки в холодильной темноте напиток не переменялся ни цветом, ни вкусом, однако — о чудо! — виноград в бутылке сморщился и ПРЕВРАТИЛСЯ В ИЗЮМ, а изюм разбух ДО РАЗМЕРОВ ВИНОГРАДА. Они поменялись телами (аватарами)!

По слову писателя Б., «мне чудится в этом символ, который вот-вот разгадаешь».

* * *

Свобода: не говорить то, что ты думаешь, а не думать к миру претензий — за то, что он другой.

* * *

МУРАШИ

Как вид мы раздираемы двумя типами правления.

Первое справедливо полагает нас существами высшего порядка, способными о себе заботиться, отвечать за каждый фунт выкушанной пади, за каждый брикет вымоченной в росе органики, за каждую проложенную в сухом веществе извилину.

Второе справедливо считает нас идиотами, не умеющими избежать ни колеса истории, ни ботинка провидения, ни даже обыкновенного мифического муравьеда.

Оба этих типа нам навязаны нашей непостижимой, но, говорят, разумной природой.

* * *

О СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ

«Сентиментален: любит мать», — из досье на одного пирата XX века.

Жалеть животину — человечно, жалеть человека — жестоко.

От чужих хочется тепла, от своих — порядка.

Помнишь пластинку синего цвета? — и послушать, и солнышко затмить.

Любовь — вся эта трогательная шелуха памяти; одному латерна магика, другому — фонарь ужаса.

Вот моя фланелевая рубашка на чужом ребенке.

(Вот, кстати, слово «ребенок»!)

Вот запах слюны на носовом платочке: «Дай вытру, не шевелись, уж измазался где-то!..».

Вот елка в ведре с песком, пустившая зачем-то корни («выбрось вместе с ведром!»).

Вот две серьги в одной мочке.

Вот образ ее прохудившихся стелек...

Ох, проиграл обладатель «мягкого сердца».

«Когда тебя нет, оно сжимается!..» — «Это фантомы, сама сказала, что меня нет».

Вот желание укусить; вот неровный след зубов на коже.

Сентиментальность — недобросовестная наследница: ей нужно лишь твое прошлое.

Отказываю сентиментальности свои стихи: пусть учится у них твердости.

* * *

Встречаю в подъезде молодого соседа Руслана (праздничный не-алкоголик, почти-комсомолец).

— На прогулку?

— На работу! — отвечаю.

— В воскресенье?

— Как — воскресенье? — изображаю ужас, потом расслаблено свечусь, мол, «шутишь, понедельник».

Тут уже Руслан за меня пугается:

— Воскресенье ж сегодня!

Я вытягиваю левую руку, обнажаю дедовские часы «Победа» (ничего, кроме стрелок, на них нет):

— У, полвосьмого!

— Как полвосьмого?! Полвторого!!! — теперь ужасается он.

На часах действительно половина восьмого: надеть надел, а скорректировать не успел.

— Там что, светло? — продолжаю гнуть свою сумасшедшую линию.

— С-светло...

Руслан уже и сам не знает, какое на дворе тысячелетье. Хлопаю его по плечу, иду-таки на работу (ну, ученик у меня, мы по воскресеньям занимаемся музыкой).

* * *

Все, все здесь не то, чем представляется. И мы знаем об этом: иначе зачем дергать дверь аптеки, на которой написано «закрыто»? А ведь дергаем! Зачем дергаем?

(«Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?»)

В раннем детстве, помню, «тихий час» длился ровно в два раза дольше, чем заявлено в названии. Иногда, кстати, он назывался «мертвым» (жуть!). В пионерском отрочестве моей первой жены его имя было — «абсолют». В комсомольской юности второй жены — «горизонт».

Вчера станцию «Академическую» поезд проезжал с закрытыми дверями; он останавливался, затем, словно раздумав, трогался дальше. Пассажиров об этом маневре в известность не поставили, и я вспомнил фильм Данелии «Настя»: там станция метро арендовалась то ли бандитами («спонсорами»), то ли мэрией для какого-то своего праздника, и битком набитые поезда, при-

тормозив, уезжали в тоннель, так и не опроставшись.

Зато сегодня по пути к станции «Семеновская» я встретил бронзовую девушку: она читала книгу на платформе «Площади Революции», и щиколотки ее были того же цвета, что все остальное. А ведь ей — 78 лет. Вон, грудь Джульетты в Вероне стерта в золото. Однажды в Одессе я погладил ухо бронзового Утесова, и тут же стайка немцев — или японцев — потянулась к тому же (левому!) уху, усмотрев в моем жесте Традицию. Наверно, это были все-таки японцы.

...На семеновском встречном эскалаторе я встретил живого Степаненку, который меня не встретил. Наверно, этот Степаненко мнимый, как та аптека. А на обратном пути обнаружилось, что бронзовая девушка пересела с платформы в центральную часть зала. Что-то неладное сегодня с девушками. Прямо весна какая-то.

* * *

Сегодня — первый день проката в России гениального фильма Александра Миндадзе «Милый Ханс, дорогой Петр». Я смотрел его прошлым летом на Московском кинофестивале — это было самое яркое впечатление за несколько лет. Наряду с последним фильмом Алексея Германа. Но Герман был предсказан, Герман был предвкусен, он был заждан до дыр...

Прорыв Миндадзе сродни германовскому, и для меня он начался с картины «В субботу», где разлитая в воздухе радиация (тема фильма — авария на АЭС) ощущается всем организмом, как зубная боль.

Нечто похожее, но еще более глубокое — словно в прошлую свою жизнь заглянул, облекся в другое тело, — я испытал на «Милом Гансе».

И дело тут не в сюжете, а именно в языке — настолько новом, что это уже не кино, а... НЕКИНО.

Сюжет, кстати, тоже любопытен; тема теперь почти запретная — военное и научное сотрудничество Советов с гитлеровской Германией накануне Великой Отечественной.

...Да, вспоминаю свои чувства во время просмотра. Страх, радиация страха, черный космос Платонова, умножение реальности за счет сновидческого раззеркаливания, липкая магма времени...

* * *

Многочисленные случаи с ДРОГНУВШИМИ УМАМИ последних двух лет (см. недавний случай режиссера и сталиниста Бортко, обсужденный ФБ-сообществом в контексте не прямой взаимосвязи бездарности и глупости) напомнили о том, что ум — это все-таки очень зыбкая субстанция.

У Михаила Эпштейна есть эссе «О свойствах ума». Автор разделяет ум и талант; Пушкин — таки умный, Гоголь таки нет. А вот и определение: «Ум устанавливает связи далеких вещей и проводит различия между близкими, чтобы каждая вещь получала меру своей единственности — и своего единства с другими. Ум — великий связной и великий разводящий».

В историческом (и ахматовском) смысле это означает — перекидывать «арки времени». По определению Стива Сеймура, ум — это способность ассоциировать, и я с этим согласен. Так называемая «историческая память» — это тоже об уме, его присутствии или дефиците.

Я бы с удовольствием послушал другие определения — и пусть никто не уйдет обиженным.

А пока —

ЦЗАЦЗУАНЬ ОБ УМЕ

Глупый ум подобен щетке: покуда сметает в кучу тяжелое, щетиной вбирает все легкое: волосы, нити...

(Смерть — она легка.)

Мудрый ум знает, что вовремя вывести из-под огня свое имущество — это не жениться вовсе.

Тот же ум не знает, что со всем этим потом делать.

Острый ум знает пределы своей остроты — он весь в порезах и уколах.

Хотел написать о щедрости... Впрочем, вот: щедрый ум достаточно щедр, чтобы не отказывать себе в двух-трех никуда не ведущих соображениях.

Смелый ум тренирует мягкое небо — чтоб не вспугнуть храпом крупную дичь.

Ум упорный знает свою точку.

Свободный ум умеет вовремя остановиться.

Хотите историю умного ума?
Ее не будет.

* * *

Знакомьтесь: переученный левша.
Молоко наливаю левой.
Черного лакированного офицера беру правой.
Женщину обнимаю правой.
Пишу сразу двумя.
Ход ноги делаю — не замечаю.
Убиваю левой.
Смотрю левым.
Не вижу правым.
Ничего не вижу.
Дайте мне этого левого, левого этого дайте!
Я не хочу ничего повторять: уберите знаки, уберите ленты, за-
суньте себе в жопу свои зенитки и пилотки.
Вы не нюхали обугленную человечину, вы не поскальзывались
на раздавленном «гусеницами» ребенке, вы не блевали своими
зараженными легкими.
Я переученный левша: я прав, я всегда прав.
Мы сильная нация, мы умеем высасывать левый глаз через
правое ухо.

* * *

НЕСТИХИ

Осуждая алкоголизм, все реже и реже трезв.
Понося гномов или «гомиков», все больше гном и вот это вот.
Выходя из себя, ловишь себя сачком
Как часть того, что обрыдло... Как смерть того, что не есть.
Я тебя ненавижу, ты — воздух мой, моя жизнь.
Мой иссеченный мускул, моя бертолетова хворь.
Я хочу быть деревом, дайте его спилить.
Я хочу быть чудовищем, позвольте его проклясть.

* * *

А ты рожай-ка сразу — внуков.

Тогда и времени остатки переливать не жалко в их тонкие безмерные сосуды.

Тогда и познавать не больно мир, на их вопросы праздно отвечая.

Тогда и смех — не грех скрипучий,
и слезы — не смола подрубленной сосны.

* * *

...и настолько облагодетелься, что хлеб иначе как «хлебом насущным» и не называл.

* * *

Гринуэй — это такой Достоевский: возрастное кино.

* * *

...во всем подобен фотографу, забывшему за видеоискателем про блажь невооруженного зрения.

* * *

— А что пишешь: прозу? стихи?

— Да все, что плохо лежит!

* * *

...это будущее изменить нельзя. А прошлое — легко!

* * *

...тогда как не матрешка жизнь, а телескоп.

* * *

Как начертить в воздухе идеальный круг?
Бросить в него паука.

* * *

...как белая ворона на черном снегу.

